

Екатерина Болтунова

# Пространство (ушедшего) героя:

ОБРАЗ ЛИДЕРА, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ  
И МЕМОРИАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В РОССИИ  
(НА ПРИМЕРЕ ЕЛЬЦИН-ЦЕНТРА)

Ekaterina Boltunova

The Space of the (Departed) Hero: The Image of the Leader, Historical Memory  
and the Memorial Tradition in Russia (Regarding the Yeltsin Center)

**Екатерина Болтунова** (НИУ «Высшая школа экономики»; доцент факультета гуманитарных наук; кандидат исторических наук) [boltounovaek@gmail.com](mailto:boltounovaek@gmail.com).

**Ekaterina Boltunova** (National Research University Higher School of Economics, Faculty of Humanities, Associate Professor, PhD) [boltounovaek@gmail.com](mailto:boltounovaek@gmail.com)

**Ключевые слова:** Ельцин-центр, Екатеринбург, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Б.Н. Ельцин, Николай II, мемориальные практики, музей, дом-музей, дворец, церковь, собор

**Key words:** Yeltsin Center, Yekaterinburg, Vladimir Lenin, Joseph Stalin, Boris Yeltsin, Nicolas II, memorial practices, museum, memorial house, place, church, cathedral

УДК: 929+726+322

UDC: 929+726+322

В статье рассматривается процесс формирования памяти о первом президенте России Б.Н. Ельцине и — шире — периоде 1990-х годов на примере создания Ельцин-центра, мемориального комплекса, открытого в Екатеринбурге в 2015 году. Новейшая музейная коллекция интерпретируется в контексте двух культурно-исторических традиций — американской и российской. Особое внимание уделяется анализу мемориальных стратегий, возникших в период Российской империи. Автор демонстрирует, как установки, сложившиеся в это время, стали основой для создания советской традиции формирования памяти о лидере, и отвечает на вопрос о том, насколько востребованными они оказались и при создании памяти о первом президенте России.

Through an analysis of the Boris Yeltsin Presidential Center, a memorial complex opened in Yekaterinburg in 2015, Boltunova examines the formation of memory of Russia's first president Boris Yeltsin and, more broadly, of the 1990s. The new museum's collection is interpreted in the context of American and Russian cultural and historical traditions. Boltunova pays particular attention to the memorial strategies that emerged during Russia's imperial period. She demonstrates how imperial-era standpoints became the foundation for the creation of the Soviet formation of memories about leaders, and addresses the question of how useful they proved for the formation of memories about Yeltsin.

В 2015 году в Екатеринбурге был открыт «Президентский центр Б.Н. Ельцина (Ельцин-центр)». Это событие получило широкое общественное звучание, инициировав в СМИ и блогосфере дискуссию о роли первого президента России и — шире — событиях 1990-х годов и формах памяти об эпохе.

Создание Ельцин-центра имеет четкую государственно-правовую основу: еще в 2008 году в России появился Федеральный закон № 68-ФЗ «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий». Согласно этому документу, такого рода центры создаются в обязательном порядке, не подлежат реорганизации и не могут быть признаны финансово несостоятельными. Их деятельность предпо-

лагает формирование архивного фонда, создание музея, библиотеки, а также осуществление научно-исследовательской, издательской, культурно-просветительской, благотворительной и даже предпринимательской деятельности [Федеральный закон 2008: ст. 3]. Финансирование таких проектов осуществляется из федерального бюджета [Федеральный закон 2008: ст. 7].

Концептуально закон опирается на американскую систему президентских центров и библиотек. Именно внутри этой традиции видит себя и сам Ельцин-центр, разместив на официальном сайте рядом с общей информацией данные об американских президентских центрах и библиотеках. Можно констатировать и стремление позиционировать новую мемориальную структуру как иную по отношению к прежней, советской реальности. Так, руководитель ельцинского кремлевского протокола В. Шевченко в одном из интервью заявил о намерении создателей центра «уйти от стандарта музеев Ленина» [Шевченко 2016].

На первый взгляд Ельцин-центр действительно использует американскую мемориальную стратегию. Здесь есть и следование установкам на сооружение таких объектов в регионе, связанном с местом рождения и началом политической карьеры президента (Борис Ельцин родился в селе Бутка Свердловской области), и стремление экспонировать, а равным образом изучать и продвигать президентское наследие. Видна и агрессивная интерактивность в подаче материала, столь характерная для американского прочтения современного музея и отличающаяся от холодноватой и отстраненной классической русской музейной традиции. В этом проекте реализован также принцип музея как места отдыха: центр расположен в деловом и развлекательном центре Екатеринбург-Сити, где находятся, помимо прочего, книжный магазин, площадки для публичных лекций и дискуссий, конгресс-холл/концертный зал, несколько кафе и ресторан «1991», в меню которого есть блюда по рецепту Н. Ельциной.

Отметим, что именно копирование американской модели при проектировании Ельцин-центра (проект осуществлен американским бюро музейного дизайна Ralf Appelbaum Associates) и выбор для концепции музея либеральной трактовки истории России (особенно 1990-х) стали причиной массивной критики в адрес новой структуры.

Однако дискутирующие сейчас вокруг Ельцин-центра социологи, политики и культурологи не замечают главного: музей первого президента России не является «вещью в себе», не существует в вакууме или в пустоте. Вокруг него — город, погруженный в определенную культурную традицию, формировавшуюся на протяжении нескольких столетий и не имеющую никакого отношения к американскому дискурсу истории или практике создания президентских центров.

## Имперская мемориальная стратегия

### *Храм*

Основой имперской мемориализации, обращенной к памяти о покойном монархе, в значительной степени являлась православная традиция. По сути, образ монарха — живого или покинувшего этот мир — в русской культурной традиции находился внутри сакрального поля.

Об этом свидетельствует организация имперского траурного пространства, причем как в храме, так и вне его. Показательны похороны первого российского

императора Петра I, заложившие основу для церемониала прощания с монархом. В Третьем Зимнем дворце Петра I по особому проекту была создана «каструм долорес», или «печальная зала». Эта новая для России традиция предполагала, что после бальзамирования тело усопшего императора выставлялось в одном из помещений дворца, то есть в пространстве, казалось бы, светском.

Петровская «каструм долорес», согласно источникам, была организована в Большом зале дворца, в центре которого был устроен помост, названный в тексте «троном». На нем установили гроб с телом императора. Вокруг гроба были размещены регалии власти — императорская корона и царские шапки (у головы покойного монарха), скипетр и держава (по правую и левую сторону от тела соответственно), а также ордена (на табурете в ногах). Расположение этих предметов, очевидно, отсылало к облачению монарха, восседавшего на троне. Зал был украшен аллегорическими скульптурами скорбящих России, Европы, Марса и Геркулеса. Здесь имелись также пирамиды, пьедесталы с надписями, которые прославляли Петра-воина, Петра-законодателя и Петра—ревнителя благочестия [РГАДА 1725: 2 об.—7].

Вместе с тем, этому залу, наполненному, главным образом, светской и властной символикой в пространстве дворца, соответствовало другое помещение, оформленное в совершенно иной манере. Здесь тело монарха простояло две недели, пока завершался декор «каструм долорес». Согласно архивному описанию, эта «зала была зело богато убрана, златыми и иными ткаными шпалерами, на которых изображены были разныя истории Святого писания, и [тело монарха] положено было на кровать стоящей на Амбоне зело богато убраном» [РГАДА 1725: 2]. Эти несколько строк показывают пространство, созданное и осмысленное в контексте исключительно религиозной традиции, то есть являвшееся своего рода храмом. Отсюда гроб с телом монарха перемещался в «печальную залу», но лишь для того, чтобы потом оказаться под сводами православного Петропавловского собора Санкт-Петербурга. Интересно и то, как в рамках одной церемонии оказались связанными сакральное и властное: «амвон» этого помещения превратится затем в «трон» главной «каструм долорес»<sup>1</sup>.

В конце XVIII—XIX веке храмовое пространство стало главным при проведении посмертных мемориальных мероприятий, связанных как непосредственно с церемониалом погребения монарха [Гендриков 1994; Логунова 2011], так и с более поздним увековечиванием памяти о нем [см., например: Крашенинников 2002].

Православные храмы вообще часто появлялись на месте, которое так или иначе было связано с жизнью или смертью императора. Речь идет не только о «храмах на крови», маркировавших, например, места гибели Павла I (церковь Св. Петра и Павла в Михайловском (Инженерном) замке, созданная на месте опочивальни Павла I, где император был убит [Хайкина 2007]) или Александра II (храм Спаса на Крови в Санкт-Петербурге на месте последнего покушения на императора). Так называемый «Первоначальный дворец» Петра Великого, известный как Домик Петра I, после смерти монарха был превращен в часовню, которая, благодаря хранившейся здесь иконе Спаса, стала местом паломничества, просуществовав вплоть до революции [Дома и домики

1 Вместе с тем в «каструм долорес» всегда присутствовали представители церкви: «У трона всегда один священник (с переменою) читал Евангелие» [РГАДА 1725: 4 об.].

2015: 399]. В Таганроге, во дворце, где скончался Александр I, императрицей Елизаветой Алексеевной была устроена домовая церковь [Цымбал 2015: 326].

В имперском контексте сакральное оказалось неотделимо от властного: поминовение членов династии в Архангельском соборе Московского Кремля, усыпальнице Рюриковичей и первых Романовых, являлось частью коронационной программы с самой первой императорской коронации (Екатерины I в 1724 году).

## Дворец

Мемориальным пространством, обращенным к образу покойного монарха, являлась и императорская резиденция. Но было бы ошибкой полагать, что здесь память о монархе обретала иной, профанный или бытовой, контекст. Напротив, практика придания мемориальной функции жилым помещениям или частным монаршим покоям («квартирам») не прижилась в России.

Сформировавшаяся же мемориальная традиция была в значительной степени универсалистской. Одной из ее характерных черт, например, стало появление во дворце, часто в тронном зале или в непосредственной близости от него, портретов императоров-предшественников, нередко сгруппированных в целые династические серии (например, дворцы в Петербурге, Ораниенбауме, Павловске и Гатчине)<sup>2</sup>. Это вовлекало императора в диалог с предшественниками на престоле, заставляя его давать оценку оставленному ими наследию и/или на символическом уровне присваивать его, что позволяло транслировать установки нового царствования. Вспоминать отошедшего в вечность монарха означало постулировать или признавать преемственность престолонаследия, а значит, речь шла равным образом о мемориализации и о легитимации.

Мемориальной функцией обладали и залы, названные именами монархов. Например, Петровский (Малый тронный), Александровский и Николаевский залы Зимнего дворца. Обращенные к памяти о российских монархах, они также являлись представительскими. Кроме того, «места памяти» в императорских дворцах оказывались тесно связаны с такими дискурсивными позициями, как «власть», «династия» и «война» [Болтунова 2011].

Немаловажно и то, что в гендерном отношении это было вполне однородное пространство, выстраивавшееся всегда исключительно вокруг фигуры императора. Востребованные внутри властного поля мемориальные практики «не замечали» императриц-супруг или императриц-матерей и мало считались даже с необходимостью поддерживать память о некогда правивших императрицах XVIII века. Примечательно, например, что созданный в 1828 году тронный зал императрицы Марии Федоровны после пожара Зимнего дворца 1837 года не был восстановлен [Петрова 1970: 190], как и утраченные в это же время покои Екатерины II [Гусева 2006].

Для «мемориалов» внутри дворцового пространства вопрос сакрального контекста и — в более конкретном смысле — православно-религиозного основания никогда не отходил на второй план. В таких проектах активно исполь-

2 Эта установка продолжала традицию Московского царства (см., например, портреты великих князей и царей в росписях главного тронного зала Московского царства — Грановитой палаты Московского Кремля, созданной в конце XV века).

зовалась православная символика, часто возникали апелляции к структуре храма или сакральному пространству в целом (аллюзии на церковный свод в виде стилизованного балдахина над портретом, ротонды и т.д.). Церковь предлагала универсальный язык для разговора о власти и о наследии. Язык этот был понятен не только в храме, но и во дворце.

### *Мемориальный музей*

Существовали в России и мемориальные музеи в честь императоров. Принято думать, что они появились в XIX веке.

Вероятным предшественником этой традиции, впрочем, был так называемый «Кабинет Петра Великого», созданный в 1732 году в Кунсткамере. Он состоял всего из двух комнат. Здесь в Токарной хранились станки и инструменты, принадлежавшие основателю Российской империи. В Портретной находилась известная «восковая персона» Петра Великого (К.-Б. Растрелли, 1725), облаченная в подлинные одежды Петра I. Именно «восковая персона» стала центром всей экспозиции. Она располагалась «в креслах... на деревянном возвышении или троне», под плафоном, на котором изображалась «иносказательная картина, представляющая Петра Великого, сидящего на облаках» [Беляев 1800: 3—7]. Очевидно, что это была попытка создать своего рода тронный зал основателя империи, локализация которого вызывала у его наследников серьезные затруднения [Болтунова 2008]. Эта интересная экспозиция, рассказывавшая о Петре-императоре и Петре-созидателе, как кажется, в равной степени использовала мемориальные стратегии дворца и позднейшего музея.

Первый же в полном смысле слова мемориальный музей был создан в Таганроге в доме, где скончался император Александр I. После смерти монарха здесь устроили траурный зал и установили катафалк [Беспалая 2016: 59], а в 1826 году императрица Елизавета Алексеевна, сохранившая всю обстановку, открыла здесь мемориальный музей «Дворец Александра I». В это же время на доме была установлена памятная доска, а в помещения дворца был открыт ограниченный доступ [Щуцкая 2013: 44—45].

Одним из самых известных мемориальных музеев Российской империи стал «Дом бояр Романовых» на улице Варварке в Москве. Экспозиция в доме царских предков, организованная в 1859 году по личному распоряжению Александра II, демонстрировала обстановку боярского быта XVII столетия, в которой родился первый царь из династии Романовых — Михаил Федорович. Во второй половине XIX века Романовы на российском престоле ощущали себя настолько уверенно, что больше не испытывали постоянной необходимости постулировать связь с прежней династией Рюриковичей, царский авторитет которой они наследовали. В эпоху набирающего силу историзма вполне можно было говорить и об иных корнях, о происхождении из боярского рода. Александр II, в отличие от своего предка, не опасался столкнуться с аристократическим фрондерством, подобным случившемуся в 1620 году инциденту с князьями Шаховскими, которые разыграли пародию на избрание на царство Михаила Федоровича [Зицер 2007: 230].

Очевидно, в этот список следует включить и «мемориал» в честь Александра II, созданный княгиней Юрьевской в принадлежавшем ей Малом Мраморном дворце. Морганатическая супруга императора составила из принадлежав-

ших Александру II вещей экспозицию двух залов — опочивальни и кабинета. Здесь можно было увидеть кровать, умывальный прибор, письменный стол и кресла, а также многочисленные портреты монарха с Юрьевской и их детьми [Жерихина 2007: 85—88].

Все упомянутые музеи прямо апеллировали к православному контексту. В Таганроге, как уже было сказано, была создана домовая церковь [Цымбал 2015: 326]. Палаты бояр Романовых «возобновлялись» при Московском Знаменском монастыре. Мемориальный музей Юрьевской соседствовал под крышей дворца с домовою церковью во имя святого Александра Невского (тезоименитого святого императора Александра II), в которой находился также и портрет Александра II на смертном одре работы К.Е. Маковского.

Однако общее число мемориальных императорских музеев было невелико. По отношению к другим имперским мемориальным практикам такие проекты имели второстепенное значение. Они находились на периферии (вне столицы, вне центра или вне государственного представительского пространства) и были мало востребованы властью при формировании политики памяти. Последнее, как представляется, было также связано с активным позиционированием здесь частного, а зачастую даже бытового контекста и акцентированием аспекта физической смерти/гибели монарха. Император-человек выступал в таких интерьерах более эксплицитно, оказываясь в некоторой оппозиции императору-монарху, который был всегда выше частного или даже родового и находился в иных отношениях с категориями жизни и смерти.

В целом, даже при смене историко-культурных периодов мемориальная традиция, обращенная к фигуре императора, основывалась в России на сакральных (православных) и универсалистских трактовках образа ушедшего монарха. Она всегда была связана с дискурсом власти и практиками легитимации, носила персонализированный характер, обретая коллективное начало лишь в династическом. Иными словами, в культурной традиции XVIII — начала XX веков вспоминать императора означало созерцать священную природу власти и видеть идеального монарха почти вне всякой бытовой рамки.

## Советская мемориальная стратегия

Советский властный дискурс, как известно, во многом воспроизводил прежние, имперские стандарты и практики. Равным образом мемориальная стратегия, направленная на увековечивание образа вождя в СССР, опиралась на выработанные ранее позиции, а именно на сакрализованный образ идеального монарха.

В середине 1920-х большевики столкнулись с необходимостью создания памяти о своих собственных лидерах. Прежняя имперская мемориальная традиция — пусть и в новых формах — возвращала себе актуальность. Показательна найденная почти мгновенно после смерти В. Ленина советская квазисакральная форма мемориализации — мавзолей вождя. В историографии давно замечено, что мавзолей Ленина был религиозно-пропагандистским символом [Панченко 1999], но примечательно также, что, представляя собой первый в истории пример сочетания гробницы с трибуной для вождей-наследников [Хмельницкий 2007: 14—15], он оказался вписан в советскую практику легитимации власти.

За этим последовало создание системы мемориальных музеев В. Ленина. Отметим: толчком к появлению ленинского музейного пространства была именно смерть вождя. Главный из них — Центральный музей В.И. Ленина, открытый в 1936 году в здании Московской городской думы у Красной площади, — был создан как музей лидера новой страны и грандиозная экспозиция-хранилище всего, что касалось «универсума» идеи революционного и коммунистического движения. Впоследствии мемориальным и (около)сакральным стало все, непосредственно связанное с Лениным, — от шалаша в Разливе до поезда, на котором тело покойного вождя доставили в столицу из подмосковных Горок в 1924 году. В 1955 году ленинское мемориальное пространство появилось в Кремле, где открылся известный музей «Кабинет и квартира В.И. Ленина». Помещаясь в самом центре советского властного пространства, музей практически сразу получил статус обязательного к посещению для всех приезжавших в Москву официальных делегаций.

Однако содержание этой новой мемориальной практики было найдено не сразу. В 1930-е годы значительная часть музеев В. Ленина находилась в регионах (Псков, Шушенское, Симбирск, район Выборга и др.) и представляла собой структуры плохо организованные и маловыразительные. Схожей была ситуация в столичных музеях вождя. В архиве И. Сталина сохранилось письмо Н. Крупской, написанное за год до создания Центрального музея Ленина в Москве. В этом обращении Крупская прямо жаловалась на качество музейных экспозиций, посвященных Ленину: «При ИМЭЛ-е [Институт Маркса — Энгельса — Ленина] имеется музей Ленина. Кроме цитат из Ленина на желтой бумаге и фото-карточек ничего там нет. Жуть одна. Есть еще подаренные ему чайные сервизы, пальто, еще какое-то барахло» [РГАСПИ 1935: 38]. Показательно, как Крупская описывает неподобающую выборку экспонатов — «какое-то барахло». Как именно демонстрировать быт, еще оставалось вопросом.

То, какой ответ был найден, хорошо подметил Б. Гройс. Рассуждая о мавзолее, он отметил обыденность одежды Ленина («как в жизни»: костюм, рубашка, галстук) и предположил, что, «возможно, именно эта радикальная банальность внешнего вида и составляет тайну мумии Ленина и является источником ее притягательной силы. Удивляешься, почему именно этот человек, а не какой-нибудь другой, занял столь выдающееся место. Невозможность какого-либо визуального обоснования подобного явления становится, собственно говоря, причиной возникающего здесь напряжения» [Гройс 1993: 354].

Схожим образом функционировала мемориальная стратегия, обращенная к фигуре Ленина, а затем и Сталина. Советский музей не отторгал обыденность, в которой жил вождь. При этом повседневность всегда была представлена минималистично [см., например: Тарыгина 1978: 16—26; Ерманов, Мартынов 1980], противопоставляя царской роскоши большевистскую аскезу. И, главное, бытовая сторона жизни в этом случае не становилась самоценной. Напротив, ее демонстрация была основой для разворачивания своего рода дуальной модели, где человеческое непостижимым (почти христологическим) образом сочеталось с вождистским, низкое указывало на высоту, а обыденное становилось знаком сакрального.

Позднее (особенно в позднесоветский период) такая трактовка образа вождя была подчеркнута тем, что рядом с домами-музеями, призванными показать жизнь вождя в тот или иной период, появились крупные музейные комплексы, посвященные революционному движению конца XIX — начала XX ве-

ков. Именно так оформлен, например, проект музейного комплекса Горки Ленинские. Здесь рядом с музеем-усадьбой, где В. Ленин провел последние годы жизни, во второй половине 1980-х был построен огромный музей (научно-культурный центр), внешний вид которого напоминал Парфенон.

Интересно, что мемориальная стратегия вырабатывалась для образов Ленина и Сталина в значительной степени одновременно. Речь не только о краткосрочном существовании мавзолея Ленина—Сталина или практике организации музеев Сталина по образцу музеев Ленина<sup>3</sup>. Если вынести за скобки известный феномен экспонирования подарков И. Сталину, размещавшихся в разное время на самых разных площадках — от Оружейной палаты до Пушкинского музея [РГАСПИ 1953а; Козлов 2006; Соснина, Ссорин-Чайков 2010] — и представлявших собой не столько мемориальный проект, сколько элемент культа личности, то 1930—1940-е годы окажутся периодом одновременного появления целого ряда ленинских и сталинских музеев.

Музеи И. Сталина — случай для СССР особый — начали появляться задолго до его кончины. Но, как и в случае с Лениным, это были региональные мемориально-бытовые музеи, созданные в местах, где Сталин находился в ссылке (дом-музей в Ачинске, музей в селе Курейка и др.). Однако все они представляли собой своего рода вторичные структуры памяти. В зону периферии их выталкивала не столько география, сколько ощущение собственной маргинальности. Администрация и музейные работники жаловались на плохое состояние зданий, необходимость постоянно решать вопрос отопления и, главное, недостаток предметов для экспозиции и отсутствие фактической информации для экскурсионной работы. Обратиться к И. Сталину с просьбой перепроверить те или иные даты и события решались не все. Информацию искали через другие источники, например через диалог с возможными свидетелями и «старыми большевиками» [РГАСПИ 1944, 1946, 1950]. Все это приводило к ошибкам, подобным той, что произошла в Ачинске. Здесь, судя по сообщению директора музея, в 1930-е годы «по вине местных организаций... Домик-музей [был] открыт в другом доме, а не в том, где жил товарищ Сталин» [РГАСПИ 1950: 1].

Мемориальное ленинское и сталинское пространство заимствовало у имперской традиции не только общую концепцию, но и выразительные детали ее оформления. Так, абсолютно имперской, по сути, была установившаяся традиция создавать над ленинскими и сталинскими домами-музеями, представлявшими (особенно в случае со Сталиным) деревянные избы, каменные или стеклянные укрытия. Такие «футляры» появились в Сестрорецке над подпольным убежищем Ленина в сарае рабочего Н. Емельянова, над деревянным домом Сталина в грузинском Гори. Музей Сталина в селе Курейка Красноярского края также первоначально представлял собой рыбацкий домик, обнесенный павильоном.

С точки зрения функционального назначения саркофаги над деревянными домами имели целью защитить подлинные объекты от разрушения. Но сама идея была, очевидно, позаимствована из истории создания мемориального

3 Копирование модели было отражено на уровне установочных документов. Так, после смерти И. Сталина, в сентябре 1953 года Секретариат ЦК КПСС принимает решение об организации «на подмосковной даче, где жил и работал И.В. Сталин, Мемориального музея И.В. Сталина по типу Музея В.И. Ленина в Горках, с подчинением Центральному музею В.И. Ленина» (курсив мой. — Е.Б.) [РГАСПИ 1953б: 107].

пространства первого российского императора Петра I, а именно оформления известного Домика Петра Великого. Домик — рубленая деревянная изба — был одним из первых сооружений северной столицы, а также значимым имперским мемориальным проектом. Уже во времена Екатерины II он был накрыт «каменным чехлом».

Домик превратился в музей (с экспозицией подлинных петровских вещей) именно в сталинские времена. Судя по сохранившемуся архиву Сталина, понимание значения этого объекта, как и само название — Домик, вождь вполне мог почерпнуть из литературы. Так, в «Курсе русской истории» И. Белляринова (Петроград, 1916), который читал И. Сталин (сохранились его пометки на полях), на одной из страниц было изображено именно это сооружение с подписью «Домик Петра Великого» [РГАСПИ 1916: 101]. Немаловажно и то, что в 1930—1940-е наравне с формулировкой «дом-музей И.В. Сталина» в отношении таких музеев было распространено и наименование «Домик Сталина». Такое устойчивое наименование не только использовалось сотрудниками этих музеев, но и фигурировало в прессе (газетные и журнальные статьи, поступавшие в продажу фотографии с изображением того или иного «Домика Сталина» [Лукин 1935; Квирниашвили 1953]). Здесь — как и в случае с бытовым контекстом — речь шла об игре уровнями, в которой великое являло себя в незначительном<sup>4</sup>.

История развития сталинского музейного пространства завершилась спустя несколько лет после смерти вождя. Острая политическая борьба за власть, а затем начавшаяся десталинизация закрыли дискуссию о создании центрального сталинского музея. Все завершилось выносом тела И. Сталина из мавзолея в 1962 году. Новая «ставка» на образ Ленина как идеального лидера, вероятно, была сделана еще в середине 1950-х годов.

Ленинская доминанта в мемориальной практике просуществовала до распада СССР. Музеи Н. Хрущева, Л. Брежнева, Ю. Андропова и К. Черненко так никогда и не появились. Все ограничилось переименованиями нескольких улиц, появлением городов Брежнев (Набережные Челны), Андропов (Рыбинск), Черненко (Шарыпово), экспозициями в школьных музеях (например, в честь Ю. Андропова на Ставрополье) и мемориальными досками на номенклатурных домах.

## Ельцин-центр в контексте российской мемориальной традиции

### *Посмертная мемориализация*

По американской традиции все бывшие президенты — ушедшие в мир иной и все еще живые — получают собственный центр/музей. Так, в настоящий момент действуют президентские центры здравствующих Джеймса Картера (Фридом-Парквей, Атланта), Джорджа Буша-старшего (Колледж-Стейшн, Те-

---

4 Л. Хьюз, занимавшаяся исследованием исторической памяти о Петре Великом, справедливо отмечала, что, согласно устойчивому общественному мнению советской эпохи, простота и бережливость являлись чертами, которые равным образом приписывались не только Петру I, но также Ленину и Сталину [Hughes 2003: 656].

хас), Уильяма Клинтона (Литл-Рок, Арканзас) и Джорджа Буша-младшего в Далласе (Техас). В СМИ появилась некоторая информация и о создании центра Барака Обамы.

В России фактическим основанием для создания первого президентского музея стала смерть Б. Ельцина. Закон о президентских центрах был принят Государственной Думой ровно через год после кончины первого президента России. Дополнительным аргументом в пользу такой интерпретации является и то, что президентский центр Б. Ельцина — единственный в своем роде, хотя к моменту реализации этого проекта свои президентские полномочия завершил и Д. Медведев.

Примечательно, что закон, распространяясь на президентов Российской Федерации, оставил вне складывающейся традиции М. Горбачева. Существующий с 1992 года Международный фонд социально-экономических и политических исследований (Горбачев-фонд) оказался за рамками юридического поля новой госинициативы. Таким образом, последний генеральный секретарь ЦК КПСС и единственный президент СССР «приписан» сейчас на уровне законодательной нормы исключительно к советскому.

В настоящее время Горбачев-фонд переводит существовавшую в здании на Ленинском проспекте в Москве экспозицию «М.С. Горбачев: жизнь и реформы» в электронный формат и не планирует создания музея или центра здравствующего и поныне М. Горбачева [Здравомыслова 2016].

Соположение мемориального и посмертного — аспект чрезвычайно значимый и тесно связанный с русской культурной традицией, с ее апелляцией к сакральности и идее воскресения. Американские культурные практики таких оснований не имеют. Это очень точно подметил Б. Гройс, сопоставивший ленинский мавзолей с демонстрацией в Диснейленде скульптуры А. Линкольна. По мнению исследователя, последняя существует в рамках двух полей — дидактического (Линкольн произносит Геттисбергскую речь) и технологического («кукла» двигается и говорит), но совершенно не предполагает ничего иного: «Статуя Линкольна в Диснейленде не может быть оживлена когда-либо по одной простой причине: она уже живет, двигается, говорит. В ней нет ничего такого, чего бы нам не хватало» [Гройс 1993: 356].

### *Исторический контекст*

Особенностью Ельцин-центра, отличающей его от американских президентских центров, является и объем представленного исторического материала, который охватывает всю историю страны. По сути, «под историю» отведен весь первый этаж экспозиции.

Первое, что предлагается зрителю, — Вводный фильм о русской истории. Он неизменно вызывает интерес, не в последнюю очередь благодаря замечательной графике и творческому подходу к визуализации материала: здесь образы нескольких столетий истории и культуры России (например, зеркально-золотые залы императорских дворцов, кустодиевская купчиха, советские рабочий и колхозница) соединены с узнаваемыми кинематографическими голливудскими образами (например, Большой террор передан в стилистике «Властелина колец»). В фильме ярко обыграны и некоторые сюжеты: Петр I буквально рубит сосны, иллюстрируя известную поговорку «лес рубят — щеп-

ки летят», царствование Николая I, названное «политическим застоєм», передано в виде груды бумаг, которые заваливают Сенатскую площадь, а разрушение Берлинской стены становится результатом работы экскаватора, за рулем которого сидит М. Горбачев, который, как известно, начал свою трудовую деятельность, работая комбайнером. При этом весь образный ряд фильма графически выстроен как соединение переливающихся стеклянных элементов, что создает ощущение хрупкости описываемых процессов и человеческой жизни вообще.

Сама концепция русской истории представлена в фильме в рамках пары дуальных схем — «свобода vs. рабство» и «русская власть vs. русское общество». Повествование открывается фразой: «Не все знают: русская демократия появилась раньше русского самодержавия». Борьба противоположностей, по мнению авторов фильма, пронизывает всю русскую историю — от Новгородской республики до появления на исторической сцене первого президента России. Перечислены практически все знаковые фигуры русской истории, проходящие по категории «реформатор — контрреформатор»: Иван Грозный и А. Адашев, Петр I, Екатерина II, Александр I и М. Сперанский, Николай I, Александр II, Николай II и С. Витте и П. Столыпин, а также последовательно все советские лидеры — В. Ленин, И. Сталин, Н. Хрущев, Л. Брежнев.

Именно в ряду исторических деятелей Московского царства, Российской империи и СССР предстает в конце фильма Б. Ельцин: все реформаторы оказываются выстроенными в одну линию, которую замыкает первый президент России. Появление Ельцина среди царей и императоров (из советских лидеров появляются лишь Хрущев и Горбачев) оставляет впечатление связи первого президента России скорее с императорским, нежели советским, периодом истории страны.

Однако в фильме есть и еще один Ельцин, который предстает в образе Tank Man, или Неизвестного бунтаря, с фотографии Дж. Уайденера, на которой изображен один из демонстрантов с площади Тяньаньмэнь 1989 года, сдерживавший колонну танков. Схожим образом Ельцин в фильме останавливает танки ГКЧП в 1991-м. Он представлен как герой-одиночка, за спиной которого, символизируя общественную поддержку, начинают появляться люди.

Даже если оставить за рамками обсуждения прямолинейность или некорректность трактовок целого ряда исторических событий (например, Новгород — республика и вечевая демократия, Смута — ответ на Опричнину, Крымская война — результат николаевского выбора в пользу тирании, убийство Александра II террористами-народовольцами за отказ от реформ), нельзя не отметить, что само прочтение истории России как борьбы за свободу против тирании поразительным образом повторяет историографические трактовки советских учебников. При этом авторы фильма постарались — очевидно, следуя уже устоявшемуся общественному тренду — дать в значительной мере позитивную оценку советскому периоду истории, который показан не только временем террора, но периодом больших свершений (строительство Днепрогэс, покорение Арктики, победа в Великой Отечественной/Второй мировой<sup>5</sup>).

Самой значимой позицией здесь, бесспорно, оказывается трактовка образа первого президента России. Ельцин рядом с царями-реформаторами и Ельцин, возглавляющий оппозицию против ГКЧП, — это попытка увидеть его

5 Авторы фильма используют оба термина.

представителем власти и общества одновременно. Так образ Ельцина получает в начале музейной экспозиции возможность развиваться в рамках двойной перспективы: властной и общественной.

После интерпретации российской истории в целом зрителю предлагается трактовка XX столетия в рамках экспозиции «Настоящий XX век». Здесь линия-«змейка» на полу ведет посетителя музея через этапы истории: «Первая мировая», «Революция», «Гражданская война», «Вождь», «Индустриализация и коллективизация», «Репрессии», «Великая Отечественная война», «Оттепель», «Железный занавес», «Застой», «Перестройка». Внутри экспозиции поддерживается та же логика прочтения истории — в рамках структуры вожди/массы.

Исторические эпохи переданы в Ельцин-центре всеми возможными способами — от документов и предметного ряда до плакатов, фотографий и кинофильмов. Значительный объем материала, помноженный на небольшой объем пространства этого зала, создает впечатление перенасыщенности. Бросается в глаза широкая гамма красок, с переходами от серого и черного (черно-белые фотографии и кинофильмы, серая дверь в блоке «Репрессии») к яркой колористике (красное знамя, плакаты). При этом здесь исключительно плохо читаемый этикетаж — белые буквы на стеклянной поверхности в бликах от мониторов, на которых прокручиваются кинофильмы. Выбор такой подачи материала, напоминающий какофонию, очевидно, имеет свое объяснение. С одной стороны, подобный метод экспонирования с активным привлечением мультимедиа, сценографией и использованием так называемого интерпретативного дизайна характерен для проектного бюро Ralf Appelbaum Associates, разработавшего, как упоминалось, концепцию Ельцин-центра. Схожим образом оформлен, например, Музей Холокоста в Вашингтоне (1993), который и принес компании мировую известность [Linenthal 1994]. С другой стороны, хаос первого этажа кажется намеренным, ведь он ведет ко второй части экспозиции, которая, напротив, абсолютно структурирована и к тому же представлена в виде семи дней из жизни Ельцина. Иными словами, перед нами волне лобовая трактовка: история творения Порядка из Хаоса.

В поток истории России XX века создатели музея пытаются вписать историю семьи Б. Ельцина. Здесь появляются стеллажи «Крестьянский сын», «Советский школьник», «Партийный работник», «Глава Московского горкома». Но рассказ об истории семьи в истории Родины оказывается для зрителя наименее интересным. У этих стендов стоят мало, отвлекаясь то на кадры известного фильма, то на плакат. В итоге повествования о корнях не получается: история Родины в полном смысле слова поглотила здесь историю рода. Во второй части экспозиции, посвященной годам президентства, семья превращается в структуру настолько узкую (сам Ельцин, жена, дочь), а сама фигура президента обретает такую монументальность, что рассказ о смерти матери в рамках экспозиции «Непопулярные меры» вызывает почти недоумение.

Сам Ельцин в полной мере появляется лишь в конце «Настоящего XX века», словно бы ниоткуда и во всей полноте индивидуализма. Следующая часть экспозиции уже повествует о его конфликтах как главы Московского горкома с руководством Политбюро ЦК КПСС.

## *Власть и личность*

Ельцин в Ельцин-центре — это Ельцин во власти. Контекст формирования личности первого президента до прихода во власть не слишком значителен: родился в семье раскулаченных уральских крестьян, хорошо учился, но был хулиганом, служил в армии, стал инженером-строителем, увлекался волейболом. Несколько фотографий, муляж ручной гранаты (из-за взрыва такой же Ельцин в детстве получил ранение), комсомольский билет, аттестат зрелости, рукопись «Исповеди на заданную тему» с воспоминаниями о юности. Вопрос становления личности создатели музея перед собой не ставят. Описание Ельцина как «человека, воспитанного атмосферой оттепели», для которого «ценности обновления оказались важнее неписаных правил, партийных и аппаратных игр», кажется не более чем фигурой речи, поскольку оставляет за рамками вопрос о том, как именно это произошло. Как, находясь внутри системы и достигнув в ее иерархии высочайшего уровня, Б. Ельцин пришел к решению бороться против коммунистического режима?

Еще более показателен рассказ о последних годах жизни президента. Если следовать логике экспозиции, после власти жизни нет. Музейное повествование о Ельцине завершается днем 31 декабря 1999 года, то есть уходом с должности. И это при том, что Б. Ельцин прожил после сложения с себя президентских полномочий еще семь лет.

Пространство Ельцина также оказывается исключительно пространством власти. В музее есть указания на три объекта, каждый из которых представляет власть в тот или иной момент жизни президента, — Белый дом, а также Кремлевские Мраморный зал и кабинет. Зал заседаний построенного в советские времена 14-го корпуса Кремля, известный как Мраморный зал, частично воссоздан в экспозиции «День Первый. Мы ждем перемен». Этот зал музея призван описать столкновение Ельцина с партноменклатурой и историю его избрания президентом Российской Федерации. Белый дом и Кремль (кабинет) равным образом отвечают за годы ельцинского президентства. Но первый, появляясь в контексте разговора о свободе (завершение Вводного фильма и экспозиция, посвященная событиям 1991 года), олицетворяет собой либерального Ельцина, а Кремль (кабинет, завершающий экспозицию) — Ельцина-государственника и отвечает, скорее, за власть в целом. При этом в хронологической последовательности жизнь Б. Ельцина выстраивается от Белого дома к Кремлю, то есть смещается от перспективы общественной к перспективе властной.

Музей не стремится продемонстрировать частное (бытовое) пространство Ельцина. Ни деревенский дом уральского села Бутка, ни квартира в Свердловске (Екатеринбурге), ни госдача в Барвихе президента-пенсионера в поле зрения создателей центра не попали.

## *Предшественник и преемник*

Интерпретация событий в Ельцин-центре четко отражает сложные отношения Б. Ельцина со своим предшественником — М. Горбачевым, который представлен в музее как оппонент и как представитель советской системы. Авторы концепции не видят Ельцина человеком, появившимся благодаря перестройке.

Он, скорее, герой-одиночка. Примечательно, что в экспозиции «Настоящий XX век» «Застой» и «Перестройка» оказываются пространственно в одной зоне, что подчеркивает позицию в отношении Горбачева: он хоть и инициатор перестройки, но лидер — советский, глава системы, реформировать которую невозможно.

Иначе решен вопрос о преемнике. В блоке «Сложный выбор» позиция первого президента России представлена следующим образом: «Куда пойдет страна после 2000 г. — к демократии, рыночным реформам, открытому обществу или есть вероятность вернуться в советское прошлое? Об этом размышляет президент Ельцин в преддверии президентских выборов. Конституционные права и свободы, рыночная экономика, новая российская государственность еще не настолько прочны, чтобы можно было оставаться спокойным за их судьбу. Президент Ельцин намечает круг возможных преемников. С некоторыми из них он проводит конфиденциальные встречи в 1996—1999 гг. Других кандидатов на пост главы государства выносит на поверхность политической жизни череда кризисов, порожденных сложной экономической ситуацией. Их хотят видеть в президентском кресле противники Б. Ельцина. В результате мучительных сомнений и долгих поисков президент останавливает свой выбор на кандидатуре Владимира Путина. В телеобращении 9 августа 1999 г. Ельцин объявляет, что предложил Госдуме утвердить В. Путина в должности председателя правительства. Говорит он и о том, что видит в Путине будущего президента».

Этот текст — показательный для интерпретации концепции музея. Ведь само обсуждение вопроса о выборе приемника во власти рамках американских президентских центров невозможно. При этом же бросается в глаза целый набор риторических приемов, известных с первых лет существования Российской империи. Здесь и упрек Петра Великого сыну — «Кому свое насаждение оставлю?» («Куда пойдет страна..?»), и неизменный образ врага («есть вероятность вернуться в советское прошлое», «их хотят видеть в президентском кресле противники»). Но, главное, здесь есть описание системы, введенной в России первым Указом о престолонаследии (1722). Ее суть выражается в сентенции: «Кому Оной [император] хочет, тому и определит наследство» [Петр I 1830: 496]. История с определением преемника фактически завершила выбор в пользу одной из трактовок образа первого президента, который к концу экспозиции окончательно превратился в своего рода либерального царя.

## *Царь и президент*

Среди государственно-политических решений Ельцина, которые подвергаются критике (таких, как экономическая доктрина, октябрьские события 1993 года, война в Чечне), стоит и снос так называемого Ипатьевского дома. Как известно, в доме инженера Н.Н. Ипатьева в ночь на 17 июля 1918 года вместе с императрицей Александрой Федоровной, детьми и слугами был расстрелян последний российский император Николай II. Дом просуществовал после трагических событий почти 60 лет, но был снесен в 1977 году, в период, когда на волне советского историзма памятники имперской России уже почти не сносили. Для создателей музея — в силу того, что местом строительства центра был выбран Екатеринбург, — определение своего отношения к действиям Ельцина 1977 году, вероятно, стало одним из главных вызовов.

Известно, что решение о сносе Ипатьевского дома было принято Политбюро ЦК КПСС в 1975 году, когда первым секретарем Свердловского обкома был Я.П. Рябов [О сносе особняка 1975], а выполнено лишь два года спустя, когда во главе области стоял уже Б. Ельцин (о дискуссии относительно сноса дома см.: [Кириллов 2013]). Создатели Ельцин-центра признают, что Ипатьевский дом был снесен в первые месяцы пребывания Ельцина в новой должности. Они не прячутся за указание на то, что действия будущего президента были вызваны давлением из Москвы (решение Политбюро было к тому же принято по представлению председателя КГБ Ю.В. Андропова), хотя указания об этом в экспозиции есть. Претензии — все разом — они решают снять иным образом. Дискуссия здесь выводится на иной, в каком-то смысле универсалистский уровень: создатели Ельцин-центра разворачивают музей к Храму на Крови, построенному в 2003 году на месте гибели Николая II.

Надо отметить, что в постсоветский период в Екатеринбурге сложилась по-настоящему огромная мемориальная зона, обращенная к памяти о последней императорской семье, и особенно Николае II. Установка памятного знака на месте гибели царской семьи была санкционирована в 1990 году решением тогда еще Свердловского горисполкома. В 1993-м, то есть задолго до канонизации членов императорской семьи РПЦ (2000), архиепископ Екатеринбургский и Курганский уже называл Николая II «местночтимым святым» [Един от царей 2015: 32—39]. Как уже говорилось, в 2003 году на месте снесенного Ипатьевского дома был возведен Храм на Крови. Этот собор в византийском стиле представляет собой храмовый комплекс, состоящий из верхнего храма во имя Всех святых, в земле Российской просиявших, и заупокойного нижнего Храма на Крови, который маркирует место расстрела царской семьи. Частью комплекса является также памятник царской семье перед собором. Большой, открытый для обзора с разных сторон города Храм на Крови сейчас является городской доминантой.

Собор стал точкой отсчета для создания огромного мемориального проекта. Второй значимой точкой мемориальной практики является так называемое урочище Ганина Яма, территория заброшенного рудника, где в шахту были сброшены тела членов царской семьи и слуг. Сейчас это монастырская территория. Еще одним в большей степени внецерковным мемориальным местом, связанным с уничтожением останков последних Романовых, является так называемый Пороosenков лог, не признанное РПЦ место захоронения великой княжны Марии и цесаревича Алексея.

Храм на Крови и Ганина Яма за последние годы превратились в места активного паломничества. Ежегодно в ночь гибели царской семьи в рамках организуемых РПЦ «Царских дней» от храма к Ганиной Яме направляется многотысячный крестный ход. Число участников крестного хода разнится: в 2016 году РПЦ, полиция и СМИ называли цифру от 50 000 до 60 000 человек.

Николаевская мемориальная зона Екатеринбурга все время растет. Так, появились Музей царской семьи, библиотека «Державная им. св. императора Николая II», Музей святости и подвижничества на Урале в XX веке, в Музее истории и археологии Урала был создан «Зал памяти Романовых», в Уральском горном университете — «Царский зал» (актовый зал университетского здания) и «Царский мемориал» в храме Николая Чудотворца.

При этом речь идет об исключительно динамичном процессе, в который вовлечены разные социальные и профессиональные группы города. Внутри царского мемориального пространства существует уже и определенная дивер-

сификация, актуализируются не одно, а сразу несколько контекстных полей. Например, в Екатеринбургском музее царской семьи, созданном РПЦ, образ Николая осмыслен не только в категориях святости, но и в категориях императорской власти. Здесь установлено условное тронное место — возвышение, балдахин с навершием в виде двуглавого орла и николаевским портретом работы Э. Липгарта. Примечательно, что по соседству с музеем функционирует зал заседаний РПЦ, предназначенный для проведения заседаний церковных иерархов, особенно во время пребывания в Екатеринбурге патриарха. Зал украшен портретами, здесь же хранятся некоторые вещи патриарха Алексея II и богослужебное облачение патриарха Кирилла. Отметим: музей и зал заседаний размещены под одной крышей — в построенном возле Храма на Крови духовно-просветительском центре «Царский».

Эта мемориальная волна для авторов концепции Ельцин-центра — контекст, существование которого невозможно отрицать.

Николай II—император появляется в Ельцин-центре почти сразу же. Однако отношение к нему двойственное. Так, во Вводном фильме Николай II — на уровне риторики — реформатор начала XX века или, по крайней мере, один из них (вместе с Витте и Столыпиным). Хотя в визуальном плане его образ гендерно снижен: он выходит на Красное крыльцо Грановитой палаты из-за спин императрицы и детей. В конце фильма Николай II среди реформаторов, чье место которых «ведет» к Ельцину, не появляется.

В экспозиции «Настоящий XX век» образ Николая II также в значительной мере прочитывается как позитивный благодаря выбору точки отсчета — рассказ о столетии начинается с Первой мировой войны. За скобки, таким образом, вынесены события, ответственность за которые с советских времен возлагается именно на последнего императора (Ходынка, Кровавое воскресенье, Ленский расстрел).

Создание подобного образа последнего Романова в Ельцин-центре, очевидно, связано с позиционированием законотворчества ельцинской эпохи. Так, во Вводном фильме именно Николай II представлен как монарх, даровавший стране Конституцию, созданием которой занимался еще М. Сперанский. В фильме Конституция-книга заперта в ларце Александром I, но явлена на свет в 1906 году.

Однако главная задача здесь, пожалуй, — представить образ Николая II, который бы не вступал в конфликт с мемориальной зоной, развернутой на противоположной стороне городского пруда. Ведь Храм на Крови для Ельцин-центра исключительно важен.

Дело в том, что разговор о сносе дома Ипатьевых, императорской семье, исторической памяти и роли Б. Ельцина в этих процессах перенесен в музей в самый конец экспозиции. Зритель, который ищет указание на них на первом этаже музея в блоке, посвященном работе Ельцина в Свердловском обкоме, не находит ничего. Зато в рассказе о конце политической жизни Б. Ельцина фигура последнего императора Николая II возникает в полный рост.

В экспозиции «День шестой. Президентский марафон», рассказывающей о втором президентском сроке Б. Ельцина, за шаг до информации о выборе преемника и за два — до финального зала «Прощания с Кремлем» (в рамках культурных кодов — символической смерти президента), зрителя вдруг выводят к окнам на реку, на другом берегу которой стоит Храм на Крови.

Отметим, что эта часть музейной экспозиции призвана суммировать в позитивном плане все, сделанное Б. Ельциным. Авторы называют здесь укрепление

демократических институтов, сильную внешнеполитическую позицию России и преодоление кризиса 1997 года. Заводится здесь и разговор о том, что стабильность 2000-х пришла не после, а вследствие событий второй половины 1990-х.

Именно в этом блоке и возникает разговор о Романовых и Ипатьевском доме. Снос последнего встроен в событийный ряд, где его разрушение — лишь начало, за которым следуют строительство храма, поиск и идентификация останков семьи Николая II и, наконец, их погребение в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга в 1998 году<sup>6</sup>. Фоном разговора о вечности и святости выступает график нефтяных цен (блок «Преодоление кризиса»), соположенный с графиком сердечного ритма (блок «Операция на сердце»). Как уже упоминалось, эта часть экспозиции находится рядом с выставленным здесь же Кремлевским президентским кабинетом, в котором транслируется новогоднее обращение Б. Ельцина с известными всем словами: «Я устал, я ухожу». В логике музея президент умирает в ночь на Новый год, он уходит за мгновение до начала нового тысячелетия. Умирая, он думает о наследии. Он обращен к храму и взывает к сакральности, без которой его власть не будет полной.

## *Два берега*

Екатеринбург — город уникальный. В нем сошлись судьбы двух знаковых исторических фигур русской истории — последнего императора и первого президента, того, кто стоял во главе страны в начале XX столетия, и того, кто руководил ею в конце века.

Город, административное деление которого представлено на карте в виде пирога, разрезанного на части, с названиями районов, которые уходят корнями в основном в советское прошлое (Железнодорожный, Орджоникидзевский, Кировский, Октябрьский, Ленинский и др.), с точки зрения пространства памяти разделен сейчас еще и по обе стороны реки Исеть и городского пруда. На одном берегу — Ельцин-центр, на другом — Храм на Крови. У Ельцин-центра расположены здания областных органов власти (здание Правительства Свердловской области, которое часто называют Белым домом, Заксобрание Свердловской области), гостиница «Hyatt», Академический театр драмы, много небоскребов. У Храма на Крови — широкая мемориальная зона с несколькими церквями, музеем и библиотекой.

Два городских героя находятся друг с другом в сложных отношениях. Ельцин-центр, существующий на стыке мемориальных традиций, но глубоко связанный с русскими культурными кодами и практиками памяти, обращен к Храму на Крови не просто топографически, но изнутри собственного нарратива. А вот от площадки у Храма на Крови Ельцин-центр практически не виден. Едва ли мы станем свидетелями диалога, скорее такое тесное соседство чревато конфликтом<sup>7</sup>.

---

6 Останки великой княжны Марии и цесаревича Алексея не были погребены.

7 Опозиция между зонами памяти уже находит свое отражение в местном публичном пространстве. Так, на обложке недавно изданной книги «Екатеринбург для больших и маленьких. Энциклопедия от А до Я» [Екатеринбург 2016] городские объекты размещены так, что Ельцин-центр оказывается над Храмом на Крови, а значит, в семиотическом отношении позиционируется как более значимый или даже доминирующий.

## Библиография / References

- [Беляев 1800] — *Беляев О.П.* Кабинет Петра Великого. СПб.: Императорская типография, 1800.
- (*Belyaev O.P.* Kabinet Petra Velikogo. Saint Petersburg, 1800.)
- [Беспалая 2016] — *Беспалая Е.В.* Последний путь странствующего императора Александра // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 49—62.
- (*Bespalaya E.V.* Posledniy put' stranstvuyushchego imperatora Aleksandra // Romanovy v doroge. Puteshestviya i poezdki chlenov tsarskoy sem'i po Rossii i za granitsu. Moscow; Saint Petersburg, 2016. P. 49—62.)
- [Болтунова 2008] — *Болтунова Е.М.* Трон Великого Петра: к вопросу о семантике тронных залов в России XVIII в. // Труды русской антропологической школы. Вып. 5. М., 2008. С. 496—521.
- (*Boltunova E.M.* Tron Velikogo Petra: k voprosu o semantike tronnykh zalov v Rossii XVIII v. // Trudy russkoy antropologicheskoy shkoly. Vol. 5. Moscow, 2008. P. 496—521.)
- [Болтунова 2011] — *Болтунова Е.М.* Пространство власти: царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII—XVIII вв. // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое издательство, 2011. С. 49—91.
- (*Boltunova E.M.* Prostranstvo vlasti: tsarskiy/imperatorskiy diskurs v topografii Moskvy i Sankt-Peterburga kontsa XVII—XVIII vv. // Izobretenie imperii: yazyki i praktiki. Moscow, 2011. P. 49—91.)
- [Гендриков 1994] — *Гендриков В.Б.* Траурные церемонии в Петропавловском соборе // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 2 (Государственный музей истории Санкт-Петербурга). СПб.: Акрополь, 1994. С. 306—315.
- (*Gendrikov V.B.* Traurnye tseremonii v Petropavlovskom sobore // Kraevedcheskie zapiski: Issledovaniya i materialy. Vol. 2 (Gosudarstvennyy muzey istorii Sankt-Peterburga). Saint Petersburg, 1994. P. 306—315.)
- [Гройс 1993] — *Гройс Б.* Ленин и Линкольн — образы современной смерти // Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1993. С. 353—356.
- (*Groys B.* Lenin i Linkol'n — obrazy sovremennoy smerti // Groys B. Utopiya i obmen. Moscow, 1993. P. 353—356.)
- [Гусева 2006] — *Гусева Н.Ю.* К вопросу о жилых покоях Екатерины Великой // «Золотой осямнадцатый...» Русское искусство в современном отечественном искусствознании: Сб. статей / Под ред. Т.В. Ильиной и др. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 22—36.
- (*Guseva N.Yu.* K voprosu o zhilykh pokoyakh Ekateriny Velikoy // «Zolotoy os'mnadsatyy...» Russkoye iskusstvo v sovremennom otechestvennom iskusstvovoznani: Sb. statei / Pod red. T.V. Ilyinoi i dr. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. S. 22—36.)
- [Дома и домики 2015] — *Дома и домики Петра I* / Сост. В.В. Яковлев. СПб.: Скрипториум, 2015.
- (*Doma i domiki Petra I* / Ed. by V.V. Yakovlev. Saint Petersburg, 2015.)
- [Един от царей 2015] — *Един от царей.* Жизнеописание Святых царственных страстотерпцев / Сост. А. Кузьмин. Екатеринбург: ОМТА, 2015.
- (*Edin ot tsarey. Zhizneopisanie Svyatykh tsarstvennykh strastoterpcev* / Ed. by A. Kuz'min. Ekaterinburg, 2015.)
- [Екатеринбург 2016] — *Екатеринбург для больших и маленьких:* Энциклопедия от А до Я / Ред. Э. Кубенский. Екатеринбург: Татлин, 2016.
- (*Ekaterinburg dlya bol'shikh i malen'kikh: Entsiklopediya ot A do Ya* / Ed. by E. Kubenskiy. Ekaterinburg, 2016.)
- [Ерканов, Мартынов 1980] — *Ерканов И., Мартынов В.* Дом-музей В.И. Ленина в Алакаевке: Путеводитель. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1980.
- (*Erkanov I., Martynov V.* Dom-muzey V.I. Lenina v Alakaevke: Putevoditel'. Kuybyshev, 1980.)
- [Жерихина 2007] — *Жерихина Е.И.* Частные дворцы Петербурга. СПб.: Балтийская звезда, 2013.
- (*Zherikhina E.I.* Chastnye dvortsy Peterburga. Saint Petersburg, 2013.)
- [Здравомыслова 2016] — *Здравомыслова О.М.* Интервью (31.09.2016). Архив автора.
- (*Zdravomyslova O.M.* Interview (31.09.2016). Author's archive.)

---

Противоположная интерпретация пространства также существует. Она выражается, в частности, в появлении архитектурных проектов, подобных плану строительства храма Св. Екатерины на городском пруду. Храм на Воде, построенный на искусственном острове в бухте городского пруда, создаст еще один православный центр, укрепив, таким образом, позиции «николаевской» стороны. Об этом см.: <http://politsovets.ru/53423-gubernator-odobril-proekt-hrama-na-vode.html>.

- [Зицер 2007] — *Зицер Э.* Орденосцы и отступники: рыцарская идея в политической практике «кампаний» Петра Великого // *Петр Великий / Сост. Е.В. Анисимов.* М.: ОГИ, 2007. С. 210—240.
- [Zitser E. Ordenonostsy i otstupniki: rytsarskaya ideya v politicheskoy praktike «kampanii» Petra Velikogo // *Petr Velikiy / Ed. by E.V. Anisimov.* Moscow, 2007. P. 210—240.)
- [Квирниашвили 1953] — *Квирниашвили М.* Гори, 6 марта 1953 г. У домика, где родился товарищ Иосиф Виссарионович Сталин. Фото // *Правда.* 1953. 8 марта. (*Kvirniashvili M. Gori, 6 marta 1953. U domika, gde rodilsya tovarishch Iosif Vissarionovich Stalin. Foto // Pravda.* 1953. 8 March.)
- [Кириллов 2013] — *Кириллов А.Д.* Дом Ипатьева: мифы и реальность // 14-е Романовские чтения. Материалы. Екатеринбург: Издательство Квадрат, 2013. С. 35—42. (*Kirillov A.D. Dom Ipat'eva: mify i real'nost' // 14-e Romanovskie chteniya. Materialy.* Ekaterinburg, 2013. P. 35—42.)
- [Козлов 2006] — *Козлов Г.* Выставка подарков И.В. Сталину имени А.С. Пушкина // Отечественные записки. 2006. № 1(28) (<http://www.strana-oz.ru/2006/1/vystavka-podarkov-i-v-stalinu-imeni-a-s-pushkina> (дата обращения: 01.11.2016)).
- (*Kozlov G. Vystavka podarkov I.V. Stalinu imeni A.S. Pushkina // Otechestvennye zapiski.* 2006. № 1(28) (<http://www.strana-oz.ru/2006/1/vystavka-podarkov-i-v-stalinu-imeni-a-s-pushkina> (accessed: 01.11.2016)).)
- [Крашенинников 2002] — *Крашенинников А.Ф.* О проекте памятника Петру Великому // Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 2 (Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница). СПб.: Искусство России, 2002. С. 174—178.
- (*Krashennnikov A.F. O proekte pamyatnika Petru Velikomu // Gosudarstvennyy muzey istorii Sankt-Peterburga. Kraevedcheskie zapiski. Issledovaniya i materialy. Vol. 2 (Petropavlovskiy sobor i Velikoknyazheskaya usypal'nitsa).* Saint Petersburg, 2002. P. 174—178.)
- [Лукин 1935] — *Лукин Н.* Домик Сталина // *Правда Севера.* 1953. 30 августа. (*Lukin N. Domik Stalina // Pravda Severa.* 1953. 30 August.)
- [Логунова 2011] — *Логунова М.О.* Печальные ритуалы императорской России. М.; СПб.: Центрполиграф, 2011. (*Logunova M.O. Pechal'nye ritually imperatorskoy Rossii.* Moscow; Saint Petersburg, 2011.)
- [О сносe особняка 1975] — О сносe особняка Ипатьева в г. Свердловске. Постановление ЦК КПСС (26 июля 1975 г.) // <http://www.bukovsky archives.net/pdfs/sovter75/pb75-1.pdf>. (O snose osobnyaka Ipat'eva v Sverdlovске. Postanovlenie TsK KPSS (26 July 1975).)
- [Панченко 1999] — *Панченко А.М.* Осьмое чудо света // *Панченко А.М.* Русская культура: Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. С. 476—497. (*Panchenko A.M. Os'moe chudo sveta // Panchenko A.M. Russkaya kul'tura: Raboty raznykh let.* Saint Petersburg, 1999. P. 476—497.)
- [Петр I 1830] — *Петр I.* Устав. О наследии престола // Полное собрание законов Российской империи. Т. VI (1720—1722). № 3893. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1830. С. 496—497. (*Petr I. Ustav. O nasledii prestola // Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. T. VI (1720—1722). № 3893.* Saint Petersburg, 1830. P. 496—497.)
- [Петрова 1970] — *Петрова Т.А.* Тронный зал императрицы Марии Федоровны в Зимнем дворце и картина Е.Ф. Крендовского // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XI: Русская культура и искусство. Ленинград: Аврора, 1970. С. 190—197. (*Petrova T.A. Tronnyy zal imperatritsy Marii Fedorovny v Zimnem dvortse i kartina E.F. Krendovskogo // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. XI: Russkaya kul'tura i iskusstvo.* Leningrad, 1970. P. 190—197.)
- [РГАДА 1725] — Описание (печатное) порядка при погребении в Санкт Петербурге императора Петра I и его дочери цесаревны Натальи Петровны. 10 марта 1725 г. // Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 156. Оп. 1. Д. 44. (Opisanie (pechatnoe) poryadka pri pogrebenii v Sankt Peterburge imperatora Petra I i ego docheri tsesarevny Natal'i Petrovny. 10 marta 1725 // Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 156. Op. 1. D. 44.)
- [РГАСПИ 1916] — *Беллярминов И.* Курс русской истории (1916 г.) // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 3. Д. 11. (*Bellyarminov I. Kurs russkoy istorii (1916) // Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI).* F. 558. Op. 3. D. 11.)
- [РГАСПИ 1935] — Копия письма Н.К. Крупской (1935 г.) // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 755. Док. 13. (Kopiya pis'ma N.K. Krupskoy (1935) // RGASPI. F. 558. Op. 11. D. 755. Dok. 13.)
- [РГАСПИ 1944] — Записка директора Нарымского музея Сталину И.В. (1944 г.) // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1473. Док. 32.

- (Zapiska direktora Narymskogo muzeyya Stalinu I.V. (1944) // RGASPI. F. 558. Op. 11. D. 1473. Dok. 32.)
- [РГАСПИ 1946] — Сообщение Поскребышева о подтверждении Сталиным И.В. своего приезда к Ленину в августе 1917 г. в Разлив (1946 г.) // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 353. (Soobshchenie Poskrebysheva o podtverzhenii Stalinyim I.V. svoego priezda k Leninu v avguste 1917 g. v Razliv (1946) // RGASPI. F. 558. Op. 4. D. 353.)
- [РГАСПИ 1950] — Стенограмма беседы со старыми большевиками в Музее В.И. Ленина (1950 г.) // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 582. (Stenogramma besedy so staryimi bol'shevikami v Muzee V.I. Lenina (1950) // RGASPI. F. 558. Op. 4. D. 582.)
- [РГАСПИ 1953а] — Материалы, предоставленные директором Выставки подарков Сталину И.В. (1953 г.) // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1432. Док. 2. (Materialy, predostavlennye direktorom Vystavki podarkov Stalinu I.V. (1953) // RGASPI. F. 558. Op. 11. D. 1432. Dok. 2.)
- [РГАСПИ 1953б] — Постановление Секретариата ЦК КПСС (1953 г.) // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1487. Док. 33. (Postanovlenie Sekretariata TsK KPSS (1953) // RGASPI. F. 558. Op. 11. D. 1487. Dok. 33.)
- [Соснина, Ссорин-Чайков 2010] — *Соснина О., Ссорин-Чайков Н.* Канон и импровизация в политической эстетике советского общества: Дары вождям // НЛО. 2010. № 101 (<http://nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1717/1755/index.html>).
- (*Sosnina O., Ssorin-Chaykov N.* Kanon i improvizatsiya v politicheskoy estetike sovetskogo obshchestva: Dary vozhdyam // NLO. 2010. № 101 (<http://nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1717/1755/index.html>).
- [Тарыгина 1978] — *Тарыгина Н.С.* Дом-музей Ленина в Куйбышеве. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1978. (*Tarygina N.S.* Dom-muzey Lenina v Kuybysheve. Kuybyshev, 1978.)
- [Федеральный закон 2008] — Федеральный закон от 13 мая 2008 г. № 68-ФЗ «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий» // <https://rg.ru/2008/05/16/presidency-centry-dok.html>.
- (Federal'nyy zakon ot 13 maya 2008 g. № 68-FZ «O tsentrah istoricheskogo naslediya prezidentov Rossiyskoy Federatsii, prekrativshikh ispolnenie svoikh polnomochiy» // <https://rg.ru/2008/05/16/presidency-centry-dok.html>).
- [Хайкина 2007] — *Хайкина Л.В.* Новые материалы к истории создания храма-мемориала в Инженерном замке // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVI (Российский императорский двор и Европа: диалоги культур). СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2007. С. 193—202. (*Khaykina L.V.* Novye materialy k istorii sozdaniya khrama-memoriala v Inzhenernom zamke // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. XXXVI (Rossiyskiy imperatorskiy dvor i Evropa: dialogi kul'tur). Saint Petersburg, 2007. P. 193—202.)
- [Хмельницкий 2007] — *Хмельницкий Д.* Зодчий Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2007. (*Khmel'nitskiy D.* Zodchiy Stalin. Moscow, 2007.)
- [Цымбал 2015] — *Цымбал А.А.* «Высочайший дворец императора Александра I» в Таганроге — царская резиденция и мемориальный музей // Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. СПб.: Европейский дом, 2015. С. 319—332. (*Tsybmal A.A.* "Vysochayshiy dvorets imperatora Aleksandra I" v Taganroge — tsarskaya rezidentsiya i memorial'nyy muzey // Dvortsy Romanovykh kak pamyatniki istorii i kul'tury. Saint Petersburg, 2015. P. 319—332.)
- [Шевченко 2016] — *Шевченко В.Н.* «А сейчас политики — мелкота». Отец кремлевского протокола о Путине, Ельцине и Горбачеве. Интервью // [https://lenta.ru/articles/2016/10/10/shevchenko\\_two/](https://lenta.ru/articles/2016/10/10/shevchenko_two/). (*Shevchenko V.N.* "A seychas politiki — melkota". Otets kremlevskogo protokola o Putine, El'tsine i Gorbacheve. Interv'yu // [https://lenta.ru/articles/2016/10/10/shevchenko\\_two/](https://lenta.ru/articles/2016/10/10/shevchenko_two/).)
- [Щуцкая 2013] — *Щуцкая Г.К.* Романовы — основатели первых мемориальных музеев в XIX в. // 14-е Романовские чтения. Материалы. Екатеринбург: Издательство Квадрат, 2013. С. 43—50. (*Shchutskaya G.K.* Romanovy — osnovateli pervykh memorial'nykh muzeev v XIX v. // 14-e Romanovskie chteniya. Materialy. Ekaterinburg, 2013. P. 43—50.)
- [Hughes 2003] — *Hughes L.* "Nothing Is Too Small for a Great Man": Peter the Great's Little Houses and the Creation of Some Petrine Myths // The Slavonic and East European Review. 2003. Vol. 81. № 4. P. 416—423.
- [Linenthal 1994] — *Linenthal E.* The Boundaries of Memory: The United States Holocaust Memorial Museum // American Quarterly. 1994. Vol. 46. № 3. P. 406—433.